

18+

КНИГА ВОСПОМИНАНИЙ 2022

СБОРНИК НОМИНАНТОВ
ОДНОИМЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО
КОНКУРСА

О. Г. Шишкина

**Книга воспоминаний 2022.
Сборник номинантов
одноименного
литературного конкурса**

«Издательские решения»

Шишкина О. Г.

Книга воспоминаний 2022. Сборник номинантов одноименного литературного конкурса / О. Г. Шишкина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-79-490958-6

«Книга воспоминаний 2022» — сборник поэтических и прозаических произведений, представленных современными авторами, пишущими на русском языке, на рассмотрение членам жюри одноименного конкурса. Конкурс проводится Московской городской организацией Союза писателей России совместно с НП «Литературная Республика» с целью выявления талантливых авторов и поддержания интереса к русской литературе и культуре.

ISBN 978-5-79-490958-6

© Шишкина О. Г.
© Издательские решения

Содержание

ПРОЗА	6
ИСИДА Ольга	6
Суп дружбы	6
Корабли	7
Божья коровка	8
Велосипед	9
Пианино	9
КОЛЕСНИКОВ Александр Ю.	11
Нечто	11
КОРЮКИН Григорий	14
Театральная трагедия	14
ЛУКИЧЕВ Александр	21
Истоки семьи и фамилии	21
ОКАТОВА Александра	25
Поющий мост над бездной	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Книга воспоминаний 2022

Сборник номинантов одноименного литературного конкурса

© МГО СПР

Составитель О. Г. Шишкина

Благодарности:

НП "ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕСПУБЛИКА"

Директор издательства: Бояринова О.В.

Редактор: Петрушин В.П.

Вёрстка: Измайлова Т.И.

Обложка: Крушинина В.А.

Книга издаётся в авторской редакции

Возрастной ценз 18+

Печать осуществляется по требованию

Шрифт Serif Sans 11 Centured

ISBN 978-5-7949-0958-6

ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕСПУБЛИКА

Издательство

Московской городской организации

Союза писателей России

121069

Россия, Москва

ул. Б. Никитская, дом 50А/5

2-ой этаж, каб. 4

Мы издаём книги

авторов, пишущих на русском языке

в XXI веке

Электронная почта: litress@mail.ru

Тел.: + 7 (495) 691-94-51

ISBN 978-5-7949-0958-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЗА

ИСИДА Ольга

Суп дружбы

– Максюша, лапонька, пора обедать.

Бабушка налила тарелочку борща, положила рядом кусок белого батона и любимую ложечку внука.

– Опять есть, – грустно подумал Максимка.

– Максим, я жду.

Но внук продолжал катать машинки по ковро. Может, передумает бабушка или забудет? Но голос бабушки становился все строже и строже.

– Иду, бабуль.

– Пойдем, помоем руки и обедать.

Максим лениво сел за стол, лениво взял ложку и лениво стал водить ею в тарелке. Бабушка сидела около внука, задумчиво наблюдая за его действиями.

– Ешь, Максюша, иначе борщ будет совсем холодный.

Но внук только грустно на неё посмотрел и снова стал водить ложкой. Уговоры не помогали. Бабушка молчала, и только пальцы её руки начали тихонько стучать по столу.

– Зачем ты стучишь?

– Я не стучу. Это бегут к тебе два друга.

Бабушка поставила указательный и средний пальцы буквой v, только наоборот. Максимка оживился.

– Какие два друга?

– Мальчики. Два друга.

И пальцы бабушки подбежали к тарелке.

– А как их зовут?

– Тру-ля-ля и Тра-ля-ля.

Макс рассмеялся.

– Какие смешные имена!

– Что ты делаешь? – спросили Тру-ля-ля и Тра-ля-ля.

– Я???

Максюша напрягся.

– Я ем борщ.

– Ха-ха-ха. Ты даже ложку в рот не берёшь.

Максимка тут же зачерпнул борща и отправил в рот.

– Вкусно?

Пальцы вплотную подбежали к тарелке.

– А что в супе? И как суп называется?

– Это борщ.

И еще одна ложка отправилась в рот.

– Нет, это не борщ. Это суп дружбы.

– Неправда. Бабушка говорит, что это борщ.

– А мы считаем, что это суп дружбы. И знаешь почему? Ты ешь и слушаешь. Вот ты взял в ложку что?

Максюша зачерпнул ложкой борща.

– Картошку.

– Вот и славно, ешь.

– А сейчас что? Бери следующую ложку.

– Морковку.

– А еще?

– Свеклу.

– А в следующую ложку что попало?

– Капуста. Я её не люблю.

– Видишь, в супе сколько овощей разных, они друг с другом дружат и поэтому суп называется «суп дружбы».

На дне тарелки оставалось немного борща. Тру-ля-ля и Тра-ля-ля бегали вокруг тарелки и подбадривали Максимку. Внук уплетал хлеб и борщ за обе щеки.

– Мы побежали, и друзья помахали Максусу.

– А я?

– А ты беги играть в машинки. И не забудь сказать бабушке спасибо за вкусный «суп дружбы».

С тех пор началась дружба Максюши с Тру-ля-ля и Тра-ля-ля. Теперь он с охотой садится за стол и тут же спрашивает:

– А где мои друзья?

И Тру-ля-ля и Тра-ля-ля тут же прибегают.

Корабли

– Руки мыть и за стол, – скомандовала бабушка.

– А что мы будем есть? – спросил Даня.

– Вкусный суп, – ответила бабушка, наливая в тарелки янтарный куриный суп.

– Опять «суп дружба»?

– Нет, суп с кораблями.

– С кораблями?

Данюша заглянул в тарелку:

– Да это клецки.

– А вот ещё тебе корабли, – и Тру-ля-ля и Тра-ля-ля бросили в бульон кусочки белого хлеба.

– Это большие и маленькие кораблики. Если мы с тобой возьмем вот эту большую клецку, то это будет линкор, линейный корабль, самый большой. У него три мачты и 185 орудий. В морских сражениях его все боялись. А линейный потому, что корабли становились в линию, и линкор был главный.

Данечка заработал ложкой, вылавливая кораблики.

– Больше нет линкоров, – остановился внук.

– А это, – Тру-ля-ля и Тра-ля-ля бросили в суп кусочек хлеба, будет наша подводная лодка.

– И что, она под водой плавает? – замер Даня.

– Да, подводная лодка может несколько месяцев жить под водой и движется она с большой скоростью, как автомобиль.

– И что, и суп они варят под водой?

– Сейчас подводные лодки очень большие, в них живет много моряков. У них есть и кухня-камбуз и спальни, и столовые и библиотеки. А повар называется коком.

Даня засмеялся.

– А это кто? – указал он на маленькую клетку.
– Это катерок. Помнишь, мы с тобой катались на лодочке, так это чуть побольше.
В тарелке закончилось море, и все корабли были съедены.
– А теперь можно идти играть? – спросил Даня.
– Конечно можно.
– Спасибо за еду, бабуль. А может, пойдем играть в морской бой?
– Пойдем, и в бою будут участвовать и линкор, и подводная лодка и маленькие катерочки.
Тру-ля-ля, Тра-ля-ля и Даня стали со знанием дела расставлять кораблики на поле – море.

Божья коровка

– Максюша, Даня, пойдемте в огород, посмотрим, что у нас выросло, – позвала бабушка.
– Бабуль, все очень хорошо растет, – играя в PSP, ответил Максим, не поднимаясь с дивана.
– А я пойду, – сказал Даня.
Все зеленело, все росло, но лицо бабушки омрачилось.
– Ты из-за чего расстроилась? – спросил Даня.
– Да, видишь, на картошке колорадский жук – очень вредный и хищный. Больше всего он любит картошку, помидоры и баклажаны.
– Да он же маленький. Как же он съест картошку, ее вон сколько. И почему он колорадский?
– Есть такое место в Америке – Колорадо, вот там его родина, отсюда и название жука.
А когда их много, то съесть могут целое поле овощей.
– Бабушка, я лучше пойду к Максимке. И Данюша быстро умчался от страшного жука.
Через несколько минут бабушка услышала крик Дани.
– Бабуль, иди сюда быстрее. Я нашел колорадского жука, но красивого.
Даня стоял около ромашки и заморожено смотрел на алого жучка.
– Это «божья коровка», – и Тру-ля-ля и Тра-ля-ля бережно взяли букашку и посадили на ладошку бабушке.
– Пусть погрееется, – сказала бабушка.
Красная букашка медленно поползла по ладони Дани, перебирая своими шестью лапками. На спинке у нее было семь черных точек.
Тут и Максюша подошел.
– А знаете, как ее зовут? В разных странах по-разному. На Украине – «солнышко», в Западной Европе – «божья овечка, солнечный теленок, солнечный жучок», в Великобритании – «леди-жук», а в России и во Франции – «божья коровка».
– А она кусается? – опасливо спросил Даня.
– Нет, это для людей безопасный жучок, но вообще-то в мире насекомых это хищник.
Не бойся, – и Тру-ля-ля и Тра-ля-ля посадили коровку на ладошку Дани.
– Спой песенку божьей коровке.
– Я не знаю никакой песенки для божьей коровки, – сказал Даня.
– Божья коровка, улети на небо, там твои детки кушают котлетки! – пропел Максимка.
А Данечка вдруг заплакал.
– Ты что? – всполошились бабушка и Макс.
– Вы меня обманываете. Разве на небе есть котлетки? И разве жуки едят котлетки? – всхлипывал Даня.
Все рассмеялись, а в это время божья коровка расправила крылышки и полетела куда-то в небо.

- Смотрите, смотрите, она летает! – закричал Даня. – Она полетела на небо...
- И, вероятно, к деткам, – добавила бабушка.
- Кушать котлетки, – сказал Максимка.
- И все рассмеялись, радуясь солнцу, небу и маленькой божьей коровке.
- А хорошо бы и нам, бабуль, съесть по твоей котлетке да еще с огурчиком.
- Этому я всегда рада, – сказала бабушка.
- И все дружно отправились в дом.

Велосипед

Наступило лето. Бабушка, дедушка с внуками отправились отдыхать в любимый санаторий. Каждый день чем-нибудь занимались. И в один из солнечных дней решили взять напрокат велосипед.

– Максюша, ты умеешь ездить на велосипеде? – спросила бабушка.

– Конечно! – ответил он таким тоном, что сомневаться не следовало, и побежал брать в прокате велосипед.

Хорошенький, новенький, блестящий, очень симпатичный велосипед гордо вывел из здания Максимка. Тру-ля-ля и Тра-ля-ля даже погладили руль и звякнули звоночком.

– Ну, садись. Только аккуратно, по аллее круговой поезжай, там нет машин, – сказала бабушка.

Максимка попытался сесть на велосипед, но велосипед от него уклонился, и Макс чуть не упал.

Попробовал еще раз и еще, но ничего не получалось. Бабушка, Тру-ля-ля и Тра-ля-ля держали за седло, но велосипед не поддавался. Ничего у Максюши не получалось, и он чуть не плакал. От огорчения он даже бросил велосипед на землю и пнул его ногой.

– Велосипед ведь не виноват. Давай, садись, мы подержим и ездай. Под ноги не смотри, только вперед, – сказала бабушка.

Ничего не получалось. Велосипед вилял, руль ходил из стороны в сторону.

– Ну, я же умел, – со слезами на глазах воскликнул Максимка.

– Значит, умеешь, только немного подзабыл. Еще раз. Тру-ля-ля и Тра-ля-ля будут держать за седло, побежим за тобой, а ты крути педали и не останавливайся.

Попытка за попыткой – ничего не получалось. Максимка даже заплакал от обиды.

– А ну, сейчас же перестань.

Тру-ля-ля и Тра-ля-ля вытерли ему слезинки.

– Было бы из-за чего плакать, – укоризненно сказала бабушка. – Упорство и еще раз упорство и поедешь.

Поехали.

Тру-ля-ля и Тра-ля-ля крепко держали велосипед за седло, не давая упасть Максимке.

И вдруг Максюша поехал. Тру-ля-ля и Тра-ля-ля отпустили велосипед.

– Смотри вперед. Крути педали смело, – крикнула бабушка вслед внуку.

Максимка ехал и ехал. Слезы куда-то улетели. Проезжая мимо бабушки, Макс весело улыбался. А Тру-ля-ля и Тра-ля-ля только успели ему показать знак победы – «виват».

Мы победили.

Пианино

– Максюша поступил в музыкальную школу, – заявила с порога мама.

– Буду играть на пианино, – добавил важно Максимка.

– Ура, ура, ура! – воскликнула бабушка.

Вся семья была в сборе и с нетерпением ждала рассказа поступления и результата.

– Как я рада, наконец-то это чудо заговорит, – весело добавила бабушка.

– Какое чудо? – удивился Максимка.

– Да вот это, – погладила пианино бабушка. – Это же живое существо. Стоит в углу, молчит и с нами не разговаривает. А внутри него и в каждом из нас живет музыка.

– Бабуль, но это же не человек. Как же деревянный ящик будет разговаривать?

– В том то и дело, что внутри живут струны, и если ты пальцем тронишь клавишу, то чудо заговорит.

– Вот здесь живет медведь, – и Тру-ля-ля и Тра-ля-ля нажали на клавиши слева. Пианино отозвалось низким звуком, как-будто медведь шел по лесу и рычал.

– А вот здесь соловей живет, – и Тру-ля-ля и Тра-ля-ля коснулись клавиш справа. Пианино тоненько запело. Будто птичка перелетела с веточки на веточку, издавая трели.

– А нам и мама может что-то сыграть. Садись, садись за инструмент, – подтолкнула бабушка упирающуюся дочь, которая делала страшные глаза и приговаривала, что уже ничего не помнит, не знает и не умеет. – Вот тебе ноты, вспоминай.

Максюша с интересом наблюдал за мамой и бабушкой.

И мама заиграла!.. Может, сначала не совсем уверенно, но затем полились красивые нежные звуки. Тру-ля-ля и Тра-ля-ля только успевали переворачивать нотные листы.

– Это Шопен, Максюша. Композитор, музыкант, который написал много красивых произведений. Ты их тоже будешь играть, – тихо сказала бабушка.

Максимка с любопытством придвинулся к маме и с интересом смотрел на ее мелькающие пальцы.

– Все, – выдохнула мама, но глаза горели от удовольствия, что руки помнят.

– А нам и Таня сыграет.

– Ну, а я вам сыграю французскую песенку из «Шербургских зонтиков».

– Максюша, это фильм известный, французский, очень старый, но музыку из фильма все любят.

– Что ж и я вам сыграю, – садясь за пианино сказал дедушка.

– И дедушка играет!?

– Помню только «Полонез Огинского» и то не весь.

Музыка звучала, цепляла за душу. Хотелось слушать еще и еще.

Максимка приумолк и зачарованно смотрел то на маму, то на тетю, то на дедушку.

– Бабуль, а теперь ты.

– Я, к сожалению, не умею, – грустно сказала бабушка. – Но я думаю, что ты восполнишь это с лихвой. Я всегда люблю, когда пианино разговаривает. Оно может говорить на разные лады, как ты захочешь. И громко и тихо, и весело и грустно, и празднично и сердито, смотря какое у тебя настроение, таким и будет у тебя разговор с этим «деревянным ящиком». В любом инструменте, Максюша, таится чудо, которое ты можешь разбудить. А я буду тебе помогать, а Тру-ля-ля и Тра-ля-ля будут переворачивать ноты. Ну, а теперь, концерт закончен. Пойдемте пить чай с тортом в честь поступления Максюши!

И Тру-ля-ля с Тра-ля-ля весело пробежались по клавишам, издавая бравурные звуки.

КОЛЕСНИКОВ Александр Ю.

Нечто

Виктор вышел из метро и направился к дому. Пройдя несколько метров, он остановился. На улице было уже темно и по-летнему тихо. Город готовился ко сну. Виктор на секунду задумался. Домой идти не хотелось. Такие моменты случались с ним, но крайне редко. Видимо, прежде чем идти отдыхать, организм сигнализировал, что ещё не полностью израсходовал свой дневной лимит.

Виктор развернулся и пошёл в противоположную сторону. Пройдя метров пятьсот, он свернул во двор и пошёл вдоль дома по асфальтовой тропинке.

– О, привет, Мага! Не спишь?

Свой вопрос Виктор адресовал человеку в очках, высунувшемуся из окна первого этажа и курившего в темноте. Если бы не огонёк сигареты и запах дыма, Виктор наверняка прошёл бы мимо.

– Заходи, – кивнул головой Магомед.

Виктор набрал знакомый код на входной двери и вошёл в подъезд. Дверь справа оказалось незаперта.

Виктор любил приходить в этот дом, так как с Магомедом они дружили. Трудно сказать, что их связывало. Наверное, общность взглядов на жизнь, менталитет, дружба...

Магомед был старше Виктора на несколько лет и был мудр не по годам. Виктор ему доверял и прислушивался к его суждениям. Дружба была взаимной. Одно время они были неразлучны каждый божий день, но потом, с течением жизни, встречались реже, и тем ценней для них были их встречи.

Домашние в квартире уже спали. Виктор снял обувь и привычным курсом проследовал на кухню. Магомед сидел за круглым столом и курил.

– Чай будешь? – спросил Виктор, пожимая руку.

Обычно чай предлагает хозяин дома, но этот дом Виктор считал родным, поэтому мог иногда позволить себе похозяйничать.

Магомед утвердительно кивнул.

Подогрев чайник и налив две чашки крепкого чая, Виктор поставил их на стол. Было уже за полночь, на улице было темно, а на кухне в качестве света горел лишь телевизор.

Магомед не любил смотреть какую-то одну передачу, поэтому постоянно щёлкал пультом, останавливаясь на самом интересном. Именно поэтому на каждый следующий день он был лучшим экспертом по всем событиям.

– Как ты мог это видеть? – удивлялись друзья. – Ты же говорил, что фильм смотрел по второй программе?

Магомед в ответ лишь загадочно улыбался.

«На Алтае вновь обнаружены неизвестные следы огромного размера, – вещали из „ящика“. – Возможно, это следы снежного человека, которого неоднократно видели в этих местах...»

– Как ты думаешь: снежный человек существует? – спросил Виктор, отхлёбывая горячий чай.

Магомед никогда не торопился с ответом. Он приоткрыл окно и потянулся за сигаретой.

– Я не знаю, есть он или нет, но однажды я столкнулся с тем, чего до сих пор не могу объяснить...

– Хм, интересно? А что это было? Как это произошло?

Магомед затянулся и выпустил дым.

– В принципе, и рассказывать-то особо нечего... Мне было лет двадцать пять, я уже тогда был женат... Так вот... Однажды вместе с друзьями мы отправились на охоту. Ты же знаешь, что охоту я люблю. Вернее, любил... Сейчас почему-то не могу убивать животных... Жалко. Если только уток...

Так вот... Было это в горах Чечни. Нас было пять человек. Все, кто тогда был со мной, были опытными сельскими ребятами. Лишь я один был из города. Охотились мы, как и всегда, на кабана. Кабан – зверь опасный. Я тебе рассказывал. Особенно когда раненый. Лучше не вставать у него на пути...

Мы тогда пробродили целый день, но так ничего и не увидели. Стало темнеть. Мы решили разбить палатку на открытой площадке, у леса. Развели огонь, приготовили пищу. Всё как обычно. Так как все устали, да ещё и еда разморила, решили идти отдыхать. Спали в одной палатке. Практически все уснули мгновенно. Я, как ты знаешь, засыпаю с трудом, поэтому проворочался некоторое время, покурил и тоже уснул...

Магомед потушил бычок в пепельнице, закрыл окно и потянулся за новой сигаретой. Виктор молчал, стараясь ничем не нарушать интригующего повествования.

– Вдруг сквозь пелену дрёмы, – продолжал Магомед, – я услышал стук копыт. Не знаю, как остальные, но если я отдыхаю вне дома, то не могу расслабиться. Поэтому и сон у меня чуткий. А тут – охота, горы... Зверь ходит всякий... Одним словом, полностью расслабиться не могу. Так вот... слышу я, значит, стук копыт возле палатки...

Магомед затянулся и снова приоткрыл окно.

– Я открыл глаза и прислушался, – продолжал он. – Стук приближался. Правой рукой я нащупал на всякий случай ружьё, которое лежало вдоль тела. Рядом с палаткой мы оставили догорать костёр, поэтому я полагал, что животное не должно было подойти слишком близко. За исключением, конечно, хищников. Тем временем стук копыт приближался... Стук этот был какой-то неторопливый: тук-тук... тук-тук... И всё бы ничего, но было в этом стуке что-то странное... Однако я никак не мог понять, что именно меня смущало и настораживало...

Тем временем стук копыт стал ещё ближе... Судя по всему, мою голову от этих копыт отделяло метра два-три, не более. Каких-то два метра, а между нами лишь тонкая ткань палатки... Однако копыта – это не страшно, это не хищник. Но что-то меня, вопреки моей воле, настораживало. Мозг работал и отчаянно перебирал... Кабан? Нет. Косуля? Нет. Что-то тут было не то... Ни на что не похоже... Лошадь? Откуда здесь лошадь?.. И тут меня вдруг как током ударило! От одной только этой мысли волосы на моей голове, в полной темноте, встали дыбом!

Я вдруг отчётливо понял, *что* здесь было не так... Я наконец понял всю странность в этом стуке копыт... И это был совсем не стук копыт...

Магомед сделал многозначительную паузу, потушил сигарету и закрыл окно. Было видно, что он переживает всё, что с ним когда-то случилось, как в первый раз.

– А что же это было? – нетерпеливо спросил Виктор.

– Это были *шаги*...

– Как шаги?! – удивился Виктор. – Ты же сказал – стук копыт!

– Вот именно, – продолжал Магомед, вновь потянувшись к сигарете. – Весь ужас был в том, что я вдруг понял, что это был стук копыт, но копыт было всего лишь... *два*!

– Как это – два? – опешил Виктор.

– Да, два, – подтвердил Магомед. – Я вдруг понял, что позади моей головы ходит *кто-то* или *что-то* на двух копытах. Не на четырёх, – он поднял вверх указательный палец, – а на двух! По стуку этих копыт я также понял, что этот *кто-то* весит, судя по всему, достаточно много. Это был не человек – это уж точно!

– Обалдеть! – откинулся на спинку стула поражённый Виктор. – Не человек и на двух копытах! И что же это было? Что было дальше?

– Честно сказать, я чуть не поседел от всех этих мыслей, – усмехнулся Магомед и выдохнул дым. – Хотя ты же знаешь: я не из робких... На медведя не раз ходил... Не поверишь! Как только я осознал, что у моей головы ходит *кто-то на двух копытах*, я схватил ружьё и выскочил из палатки. Невероятно, но вместе со мной, как по команде, из палатки вылетели все мои друзья с ружьями, и мы, не сговариваясь, открыли беспорядочный огонь в сторону леса! Оказывается, не только я слышал этот странный стук копыт. От этого проснулись все охотники и с ужасом выскочили из палатки!

– И что? – взволнованно спросил Виктор. – Убили? Кто это был?

Магомед потянулся к пачке с сигаретами, но она оказалась пуста. Он не торопясь скомкал её и аккуратно положил в пепельницу.

– Мы опустошили все наши многозарядные ружья, – отхлебнул остывший чай хозяин дома. – Возле палатки мы ничего не нашли и стали ждать рассвета. В палатку так никто из нас и не вернулся. Наутро, обшарив всю близлежащую территорию и не найдя ровным счётом ничего, мы тихо снялись с привала. Всем было действительно жутко...

– Подожди, Мага! – расстроился Виктор. – Вы так никого и не убили, что ли, не ранили? И никого не нашли?

Магомед покачал головой.

– погоди! Что же это тогда было? Кто это был? И было ли? – не унимался Виктор.

Магомед неторопливо приоткрыл окно и, приблизившись к решётке, посмотрел на полную луну, которая светила в окно.

– Подожди, – всё ещё не сдавался Виктор, – наверняка вы просто что-то перепутали, ослышались... Стук четырёх копыт приняли за стук двух... Там же горы – эхо – возможно всё! В горах всякое бывает...

– Витя, – повернул голову Магомед, – то, что слышал я, – это одно. Я – городской житель, хоть и охотник. Но то, что стук именно двух копыт слышали остальные... а это местные жители, охотники... Сам понимаешь: их не проведёшь. С детства там живут...

– Ну, хорошо! – согласился Виктор. – Это я понимаю. Сельский житель, к тому же – горец, знает в горах всё и вся... Но тогда, всё-таки, что же это было? Кто это был? Как ты сам думаешь?..

– Что это было? – переспросил Магомед, затем ещё немного подумал, а потом произнёс: – *Нечто!*..

КОРЮКИН Григорий

Театральная трагедия

Я родился по недоразумению. Моя мама в то время рассталась навсегда с поэтом Леонидом Рогачевским и пребывала в расстроенном состоянии обреченного одиночества. При этом она грешила милыми, иногда странными женскими противоречиями. Она просто кокетничала с судьбой и верила в счастливую случайность, поддаваясь всевозможным невероятным встречам и приключениям. От ее взгляда смущались прохожие, а мужчины мгновенно становились поэтами. Она была молода, красива, стройна, работала журналисткой в газете «Призыв». Писала прекрасные статьи о героических людях Урала и тружениках тыла. Шел последний год смертоносной войны. Челябинск ковал славу всесоюзного Танкограда. А молодые девушки мечтали о счастье и с нетерпеливой страстью ждали долгожданную победу.

Мой будущий отец приехал на Урал после окончания Щукинского театрального училища. Работал режиссером и художником в Челябинском театре драмы имени С. М. Цвиллинга. Родом он был из города Кривой Рог. Жил на съемной квартире. И день и ночь проводил в театре.

Однажды подружка мамы Вероника предложила ей совершить безумное приключение – провести ночь в пустом театре драмы с привидениями.

– Театр ночью – это Армагеддон, где силы добра и нечисти сражаются до последнего патрона. Потому что души актеров вынуждены притворяться и врать неискушенным зрителям, выплескивая свои страстные эмоции наружу, доказывая гостям театра, что добро всеильно, а зло непобедимо. Поэтому души актеров от вранья страдают и маются. А когда по окончании спектакля зажигается свет в зале и все зрители расходятся, души актеров становятся самими собой и всю крошечную ночь летают по театру, как привидения. Ужасно! Но у актерских душ свой Армагеддон и своя правда, – шептала с дрожью в голосе Вероника. Страх и любопытство боролись в ней нещадно!

– А если нас поймают? – возражала мама.

– Ночью театр закрыт. Сторожа дежурят снаружи. А мы после спектакля останемся там. Поднимемся на сцену. И будем знакомиться с духами. Представляешь, мы словно станем участниками дружеской сходки творческих душ. А рано утром, когда уборщицы придут мыть полы, мы спокойно убежим.

Вечером с субботы на воскресенье они пошли в театр на спектакль «Любовь Яровая» режиссера-постановщика Х. Горина. Запаслись провиантом. Весь спектакль просидели как на иголках в предвкушении встречи с привидениями. А когда в зрительном зале погас свет, они спрятались между сиденьями в партере. Зал быстро опустел. Гул голосов и шарканье ног удалялись, стихая. Пахло сыростью и ладаном. Между креслами гулял, витая, легкомысленный ветерок вентиляции. Пустынный зал погрузился во тьму. Лишь одинокие сухорукие тени качались под светом озабоченных ночников. Они походили на глаза неспящих валькирий.

Потрясенные ночным театром, девушки, дрожащие от холода и страха, на ощупь, прячась за кресла, на цыпочках пробежали к сцене. Заглянули за занавес. Там громоздились декорации спектакля – красные, потертые транспаранты, муляжи винтовок, сложенные в пирамиду, черные силуэты столов с печатными машинками. На вешалке висела чья-то шинель. У входной двери угрожающе стоял пулемет с пулеметной лентой в коробе. По сцене метался мрак. Он спускался внутри занавеса, чернел в складках темно-красного бархата, взмывал вверх к мертвым прожекторам и оттуда угрожающе гримасничал и кривлялся. В глубине сцены кто-то шеве-

лился, тяжело вздыхал, громыхая реквизитами. Послышалось чье-то нескладное бормотание известной песни Вертинского:

*«В бананово-лимонном Сингапуре, в бури,
Когда поет и плачет океан
И гонит в ослепительной лазури
Птиц дальний караван...»*

– Приведение поет! Не шевелись! – с ужасом прошептала Вероника.

*«В бананово-лимонном Сингапуре, в бури,
Когда у вас на сердце тишина,
Вы, брови темно-синие нахмутив,
Тоскуете одна».*

Голос звучал, как из преисподней. За кулисами в приоткрытой щели двери мелькал чей-то корявый силуэт. Тень его металась вверх-вниз, то увеличивалась, то мельчала, он сам, как беженец из ада, закрывал свет лампы, то вдруг разгорался, открывая ее, то мрачнел, превращаясь в кроваждную Геенну огненную.

От страха девушки бросились со сцены. Но тут проклятая сумка Вероники зацепилась за пулемет, и он загрохотал так, что она в ужасе присела на муляжное жерло Максима.

– Кто здесь?

Из двери, раздвинув занавески кулис, вышел молодой мужчина с художественными кистями в руках. Его удивленное лицо было напряжено. Орлиный нос с горбинкой вздернут. Глаза улыбались, а вопросительно поднятые брови смотрели на девушек в луче направленного света лампы из приоткрытой двери.

– Доброй ночи! Милые леди! Что вас привело сюда в столь поздний час?

– Мы! Мы! Заблудились! Набредли на вас случайно! Извините, что потревожили вас! – вымолвила торопливо Вероника.

Безмолвная тишина неловкости и стыда окутала их силуэты. Они стояли, как вкопанные, и молчали.

– Раз уж вы пришли, проходите. Давайте знакомиться, – обратился к ним молодой мужчина. – Меня звать Ханан Горин. Я режиссер театра. Сейчас оформляю сцену для нового спектакля.

– Очень приятно! А я Вероника. А это моя подруга Зоя! Мы вам не помешали?

– Зоя! В переводе с греческого это жизнь! Скажите, Зоя, вы любите театр? – обратился Горин к моей маме, которая напряженно молчала, согнувшись от нелепой неловкости и стыда.

– Обожаю! У меня много написано статей о театре. Я журналистка. Вы нас извините за вторжение. Это недоразумение! Это просто какое-то наваждение! Мы захотели увидеть театр изнутри. Пробраться к нему во внутренний мир. Почувствовать его глубинное содержание! Познакомиться поближе!

– Я вам помогу узнать театр, какой он есть! Для начала пойдете пить чай. Театр – это мир! Наполненный чувствительной энергией, где сталкиваются страсти людей – любовь борется с изменой, несправедливостью, где добро побеждает зло с измотанной убежденностью, взрывая разочарованные души, – вдохновенно заговорил режиссёр. – Вся наша жизнь – это театр! Многоактовый спектакль. Детство, отрочество, юность и так до смерти. Акт за актом, где жизнь и судьба талантливая драматургия бога! Вот вы здесь оказались не случайно. Вас притянуло всемирное тяготение театра!

Так моя мама познакомилась с моим отцом. А в декабре 1945 года, в результате этого случайного эмоционального знакомства, родился я.хлопот со мной было много. Я родился семи-месячный, слабый и болезненный. Но, несмотря на свой малолетний возраст, требовал к себе повышенного внимания. Меня нянчила знаменитая солистка театра «Ромэн» Ляля Черная, когда приезжала на гастроли в Челябинск. Майю Дробинину – заслуженного деятеля искусств филармонии города Челябинска – я всегда просил приготовить мне любимую еду – рябчиков, в виде жаренной картошки на раскаленной плите. В нашем доме часто собирались приезжие артисты эстрады. Звучали цыганские песни: «далю-даля», «Бедная», «Ту сан рай», песни Вертинского, песни Булата Окуджавы. Мама часто напевала песню «Мишка, Мишка, где твоя улыбка», «Малыш, малыш! Ты, опять шалишь! Ты опять шалишь, мой малыш!»

Меня часто брали с собой в театр на спектакли и репетиции. Я обычно сидел на первых рядах у сцены, оглушенный атмосферой ожившей сказки и наблюдал, как развиваются бурные события очередной драмы. Обычно рядом сидели улыбающиеся мои родители. Они непрерывно целовались, словно были соучастниками проходящего спектакля. И надо сказать они играли свои роли безупречно.

В детстве все думали, что я умру. Я мучительно болел корью. Высокая температура за 40 градусов убивала меня. Я лежал и бредил. Пришла врач, наша участковая. Осмотрела и прослушала меня. Покачала головой. И сказала, что если я этой ночью не умру, то буду жить. Мама плакала. Она клала мне на лоб прохладные компрессы, гладила меня, что-то шептала со слезами на глазах, словно прощаясь со мной. Под ее ласковый шепот я уснул. Мне снилась огромная просторная баня с бассейном, от которого поднимался горячий пар. Все было в тумане этого пара. И очень-очень жарко. Вокруг было много людей в белых простынях. Они все смотрели на женщину в белом платке и в ярко-белом покрывале. Я умирал. Мне было трудно дышать, я изнывал от жары и корчился от пара. Я умирал с открытыми глазами. Боль пронизывала меня. Мне было горько, обидно, печально. И я заплакал от любви и жалости. Как же без меня будет мама? Я ее жизнь! Я умирал и шептал:

– Мама! Мама! Мама! Прости!

Вдруг я почувствовал, что женщина в белом платке взяла меня на руки и стала ходить со мной вокруг бассейна. Она бережно несла меня в тумане жаркого пара, я беспомощно обхватил ее за шею, а моя голова покоилась на ее плече. Я плыл в сумраке жаркого пара у нее на руках. И все, кого мы встречали на пути, с поклоном склонялись перед нами. С каждым кругом вокруг бассейна я чувствовал, что жар отступает, пот начинает выступать на моем лице. Мне вдруг стало легко, тепло и радостно. Я прошептал «Спасибо, тетя!» и уснул, как младенец!

Утром пришла врач. Она очень удивилась. Мальчик выжил!

Что это было? Бред? Сон? Наваждение? Глюки? Только мне кажется, что меня спасла пресвятая Богородица!

Нас с сестрой часто оставляли одних в закрытой квартире, когда родители уходили на работу. Случилось так, что в этот раз мы остались в квартире одни, и нам очень захотелось поиграть в Северный полюс. Чтобы полюс холода выглядел реально, мы решили создать приближенную к реальности атмосферу смертельного холода и лютой зимы. Для этого мы открыли все окна, несмотря на январскую погоду (на улице стоял мороз -28 градусов). Затем собрали в доме все пуховые подушки и вытряхнули из них весь пух. Это была романтика: по квартире летал пух, словно на нас налетела метель, температура воздуха опустилась до хорошего минуса. Вода в ведре замерзла и блестела, сверкая серебряным льдом. Вихри пуха носились по комнатам, а зимний ветер, врываясь в комнату, рвал и загибал до потолка расшитые мулине и бисером занавески. Мы оделись, как полярники, в зимние телогрейки. На головах у нас воз-

вышались меховые шапки. Мы готовы были дрейфовать на льдине по просторам Мирового океана. Необходимо было только доложить товарищу Сталину о нашей готовности. Для этого мы начали кричать в телефон девушке-телефонистке, чтобы нас срочно соединили со Сталиным. На другом конце провода коммутатор в лице дежурной пытался нас вразумить. Требовал не баловаться с телефоном. И что товарищ Сталин в настоящий момент занят. А потом и вовсе телефон отключили. Мы остались без связи с правительством страны. Походили по холодной, покрытой перьями и пухом разгромленной квартире, и к нам пришло сознание о неминуемом наказании в виде ремня. Мы стали думать, куда бы спрятаться?

Приближался вечер. Родители должны вот-вот появиться. Мы быстро залезли в русскую печку и закрыли за собой заслонку. Родители пришли и обомлели. Первая мысль, которая осенила их, – что здесь произошло жуткое бандитское нападение, детей выкрали, в квартире все порушили, подушки разрезали, окна раскрыли. Побежали по соседям. Узнали от них, что в городе орудует банда маньяков. Бросились звонить в милицию. Телефон не отвечал. Побежали, охая, по другим домам. Мама рыдала, бабушка пила какие-то капли, отец точил топор. Мы поняли: пора вылезать. Когда все убежали к соседям звонить в милицию, мы потихоньку вылезли из печки, сели покорно на диван и сделали вид, что читаем книжку. Когда пришли родители, радости не было предела. Дети на месте. Нам даже пообещали купить по шоколадке.

В детстве я любил посещать детский сад. Я с радостью вживался в коллектив маленьких человечков, с которыми мне было очень весело, дружно, хорошо. Я целыми днями носился по детскому саду, изображая командира конницы Красной армии, увлекая за собой маленьких конармейцев на палках призывными криками:

– Ура! В атаку! За Родину! За Сталина!

Потом был продолжительный обед. Аппетит у нас всегда был отменный! Я с удовольствием уплетал за бои щеки различные каши, макароны, котлеты с хлебом и даже фруктовый суп из сухофруктов. Затем наступал обязательный сон на морозе в спальниках. Мы спали на веранде при минусовой температуре. Как правило, на правом боку, а руки надо было держать лодочкой под щекой.

Самая страшная процедура проводилась у нас после сна. Мы глотали рыбий жир из чайной ложки. Жирный, вонючий и противный. Это была пытка! Я старался не глотать его, а, заполнив этой гадостью рот, незаметно выплевывал под матрац.

После полдника у меня был лирический час. Я клал свою голову на колени сидящей на стульчике Алисе Берман. Она гладила мою подстриженную под машинку голову и ласково повторяла:

– Ты на мне женишься?

– Как только, так сразу! Ведь я тебя люблю!

– Правильно. Я для этого родилась! Я мечтаю о чуде. Чтобы ты был мой принц!

– Давай посмотрим, какая ты вырастишь?

– Мама говорит, я встречу умного и доброго мальчика. Но, скорее всего, я выйду замуж за тебя!

– Это хороший выбор! А пока я постараюсь тебе заменить папу.

– Мой папа живет на работе, а к нам приходит покушать и с мамой поспать.

– Кушать, играть и спать мы будем здесь. Ты у меня будешь Алисой-пулеметчицей!

– Не хочу пулеметчицей. Хочу быть балериной!

– Тогда я буду оловянный солдатик! Буду спасать тебя от злых троллей и заботиться о тебе.

– И мы умрем вместе в огне.

– Я тебя спасу!

Так мы с Алисой сидели на детских стульчиках и смотрели в большое зеркало, что вышлась в середине комнаты. Там отражались мы на маленьких тронах посреди множества игрушек, которые покорно склоняли свои кукольные головы, словно ждали царственных указаний. Уткнувшись в Алисины колени, я задремал и почувствовал, как оживает все вокруг – начинается сказка.

– Алиса! Вон видишь лохматого зайца, что топорщится у ночного горшка? Он имеет на тебя виды. Ты поразила его воображение!

– Я не заяц, я благородный кролик. И хотя я толстый и лысоватый, но мне тоже нужна жена! – обиженно возразило интеллигентное чучело белого кролика.

– Не обижайся, крольчик! Я вас всех люблю, но выйду замуж за Гришу.

– Это нечестно! Алиса моя! Мяу! Я давно мечтал о ней! Мяу! – промяукал шkodливый кот Жмурик. – Каждую весну я ищу себе жену. Все крыши исходил. Со всеми котами в садике передрался. Чем твой избранник может покорить твое сердце? У него даже когтей нет.

– Я буду ее хранителем! Алиса, я твой спасатель на всю оставшуюся жизнь! – возразил с готовностью я.

– Гриша хороший мальчик, веселый, добрый, надежный! Он меня всегда жалеет и за мной ухаживает, когда мне грустно. Алиса, я одобряю твой выбор, – воскликнула кукла в короткой юбке, полячка Зося. У нее были яркие алые губы и фигура танцовщицы.

– Извините! Здравствуйте! Да, я действительно конференсье из мультфильма «Необыкновенный концерт». Слово это, к сожалению, до сих пор не русское! Слово это зарубежное. Оттуда. Из-за бугра! Кстати, о Западе, с удовлетворением могу констатировать, что Запад успешно гнивает! Ну, не будем на этом останавливаться. Это, в конце концов, их нравы. Зато мы у вас всегда на виду. Крепя контакты, расширяя связи, предлагаем вам наш отечественный модерн! Мы с вами живем в эпоху паркетных полов, стекла и бетона. Вот почему на полу столько деревянных досок. Вот почему в нашем юморе столько бетона. Я всегда стараюсь шутить элегантно и мило, от всей души! Я могу вас заверить, что постараюсь удовлетворить все ваши запросы и потребности, столь заметно возросшие у малышей по сравнению с 1913 годом. Я приглашаю молодую леди и всех претендентов на ее руку на чай. Будьте добры и приветливы! За столом постараемся решить все наши проблемы. Друзья мои – куклы. Мы все служим детям. Наше предназначение – приносить радость. От улыбки ребенка мир светлеет, а от слез погибает. Пейте чай и наслаждайтесь тихим часом. А завтра наш день, наш аншлаг. Будем хорохориться и хороводы водить! – подхватил разговор хриловатый иронический голос куклы концертного конференсье Эдуарда Апломбова из кукольного шоу Сергея Образцова. Это был остроумный седой лысоватый дядя во фраке с постоянной улыбкой от уха до уха. Все куклы смотрели на него, как на чародея-укротителя трудновоспитуемых детей.

– Ха-ха-ха! И это твой принц? Да я его превращу в фарш! А ну, Алиса, живо залазь в мою табакерку! Будешь со мной дым глотать! – взвыл из-под кровати злой тролль Гоблин.

Кот Жмурик от страха залез под комод. Кролик съежился и закрыл глаза на всякий случай. Мне пришлось снять башмак и запустить его в заброшенную табакерку. Оттуда раздались грозные проклятья.

– Все! Тебе конец! Я тебя заколдую. Превращу в куклу. Алиса на тебя даже не посмотрит. А завтра! Завтра от тебя уедет отец.

– Это аморально! В вашем возрасте мечтать о женитьбе! Аморальным является влюбляться куклам, детям и игрушкам! Скажите на милость, любезные дети и куклы, зачем вам это надо? Аморально превращать все это в игру в салочки. Я понимаю, что, когда ешь торт, это действительно аморально вкусно! Но проходит время – жизнь разбрасывает вас направо и налево. И остается в вас только аморальное послевкусие! Вот такой театр ждет вас! – произнесла действительно строгая кукла-учительница, при этом она потирала своей плексигласовой указкой по запястьям, поднимая вверх ворох наэлектризованных бумажек.

– Разрешите с вами не согласиться, мадам? Вы аморально не правы. Мечтать, летать и влюбляться можно в любом возрасте. Надо, чтобы заветное волшебство, как аура, окутывало вас! Потому что вы всегда на сцене своей сказки. Экспромт, неожиданность, наглость, острый сюжет – вот стимулы действующего актера в образе принца! Сказка-театр – это наша жизнь! Видите, как все сказочно, дорогая! – вымолвил конференсье Эдуард Апломбов, и все куклы заплодировали.

– Я ничего не вижу! Не морочьте детям головы! И я вам не дорогая! Посмотрим, что будет лет так через двадцать? Будет у них жизнь остросюжетная, или они превратятся в прозябающих забулдыг и мымы из хрущевки?

– Мои милые куклы, не ссорьтесь! Я выбираю принца. Мой принц не должен быть лохматый и кусачий. Он должен быть моим принцем! Главное, чтобы он не шмыгал носом и заботился обо мне.

Сказочная помолвка состоялась.

Я проснулся. Почему-то в одном башмаке. Голова моя покоилась на коленях Алисы. Мне показалось, что все игрушки трогательно улыбаются.

На следующий день я узнал, что Алиса заболела. В детский сад я не пошел. А вечером папа нам объявил, что уезжает от нас. Он получил приглашение в Орловский областной театр драмы имени И. С. Тургенева.

Вечером мы пошли в театр на его прощальный спектакль. Папа весь вечер сидел с мамой, держал ее за руку и влюбленно и виновато смотрел на нее. Все актеры желали ему больших творческих успехов. Лишь мама сидела грустная и одинокая, словно березка на опушке среди колючих елок.

– Мама! Почему вы с папой не поженитесь? – спросил неожиданно я.

– Папе предыдущая жена не дает развода. А со мной Лёня Рогачевский не разводится. Анкету себе запачкать не хочет. Жизнь – это сложная штука, сынок! Драма со слезами на глазах!

Папу проводили под аплодисменты. Я был горд за папу и никак не мог понять, что важнее в жизни – восторг и уважение публики или слезы мамы. С этого дня я не могу переносить женские слезы – сердце разрывается от печали. Нельзя, чтобы наши любимые женщины плакали!

– Пойми меня, Зоя! Для меня театр это все! Это моя жизнь! Это мой удел! Мое творческое счастье! И ты для меня – это все! Я тебя и Гришу безмерно люблю. Мне никто не нужен! Я сам очень страдаю! Но новый театр – это шанс для меня! На моих жизненных весах: ты и театр. Прости – я выбираю творчество! Но душа моя взрывается от этого выбора! И клочки души от этого судьбоносного решения жгут мое сердце!

На следующий день мы уже сидели в купе поезда. Мама всю ночь проплакала. Но перед самым отъездом папы вдруг собралась, встрепенулась, выпрямилась и стала бурно собирать папу в дорогу. Я восхищался ее мужеству. Папа все время был со мной. Гладил, теребил меня, позволял прыгать на коленях – все время повторяя:

– Береги маму! Береги маму! Ты остаешься за главного!

В купе было жарко. Напротив нас сидел бравый подвыпивший майор. Он с пожирал маму глазами и все время повторял:

– Везет же людям. Какая женщина! Какая женщина! И без оркестра!

Мы вышли на перрон, где толкались уезжающие пассажиры. Папа на прощание все тискал маму и гладил трогательно мою голову. Зазвучал гудок паровоза. Поезд вздрогнул, колеса закрипели, медленно и тяжело вздыхая, покатались вагоны. Папа вскочил на подножку тамбура и долго махал нам опустевшими руками.

Потом было множество писем, открыток, поздравлений. До конца дней папа не женился. Жил один в однокомнатной квартире при театре. Сначала – со своей мамой, моей бабушкой, потом один. И всего себя отдал театру. На сцене Орловского областного театра драмы имени

И. С. Тургенева он проработал в качестве режиссера более 50 лет. Поставил 200 спектаклей. И до конца своей жизни писал письма о любви моей маме, называя ее драгоценной своей музой!

Мама также не вышла замуж. Всю себя посвятила нам – своим детям. От алиментов она отказалась. И пожизненно тянула лямку семьи. К отцу мы ездили в гости. Он жил одиноко и скромно, окружив себя книгами, афишами и многочисленными шедеврами каслинского литья. Его однокомнатная квартира походила на сцену, где театр жил в рукописях, афишах, программах, где шторы были кулисами, предметы бутафорные, тарелки расписные, а в центре комнаты на стене возвышался портрет моей мамы, молодой и красивой.

Мои родители ушли из жизни одиноко и тихо, закрыв занавес грустного спектакля своей жизни. Это была печальная трагедия любви, вспыхнувшая в театре и разлученная театром. Обидно и восхитительно!

С Алисой мы потерялись во времени и пространстве на просторах страны. У каждого из нас сложилась своя судьба – многоактовая драма, наполненная страстью, печалью, утратами и безудержной кипящей радостью. Спасибо главному драматургу нашей жизни богу и низкий поклон нашим родителям!

ЛУКИЧЕВ Александр

Истоки семьи и фамилии

К 100 летию отца

Еще в школе я начал интересоваться историей своей семьи. Выражалось это в расспросах матери и отца. Отец на вопросы о моем деде, своем отце, отвечал скупой, туманный. Мать рассказывала немного очевидно просто не знала. Рассказывала о своем раскулаченном отце, который после того, как со двора увели единственную корову, повесился на сеновале, оставив после себя многодетную семью. Правда оба они говорили про какой-то царский указ.

Поступив на исторический факультет Вологодского пединститута, я записался в краеведческий кружок к профессору Колесникову и первым делом рассказал ему историю про Указ Петра I о ссылке некоего полковника Алферова на сто верст на север от Вологды. Указ этот случайно увидел в музее г. Чернигова брат отца – Василий. Петр Андреевич идею исследовать судьбу указа одобрил. После четырех лет архивных поисков я более подробно прояснил эту историю. Вот ее краткое изложение.

Хоть и верил Петр Первый гетману украинскому Мазепе, но на всякий случай держал около него целую группу своих людей. В их числе был и полковник Матвей Алферов, происходивший из черниговских казаков. Доносов на Мазепу в то время было немало, писал их и Алферов. Последнее его сообщение Петру говорило о том, что Мазепа замышляет измену и хочет перейти на сторону Карла XII. Шла Северная война, и переход Мазепы мог сыграть в ее ходе немаловажную роль. Написать – написал, но ничего не сделал полковник Алферов для того, чтобы выполнить приказ Петра I в ответ на его очередное донесение «Изменника Мазепу схватить и в кандалах переправить в Санкт Петербург». К этому времени гетман был уже далеко у шведов. Царь Петр был в ярости. Он даже приказал изготовить орден Иуды. Орден представлял собой круг весом 5 кг, изготовленный из серебра. На круге был изображен Иуда Искариот, повесившийся на осине, внизу изображение 30 сребреников и надпись «Треклят сын погибельный Иуда еже ли за сребролюбие давится». Пётр I предполагал вручить этот орден гетману Мазепе вместо ранее врученного ордена Андрея Первозванного после его пленения. Впрочем, задумка не осуществилась и впоследствии этот орден на всепьянейшем, всешутейшем и сумасброднейшем соборе Петра I носил князь Юрий Фёдорович Шаховской.

За невыполнение приказа полковник Алферов был наказан. Суров был Петр I. Царский указ гласил полковника Алферова вместе с семьей и всеми крепостными, а так же «17 красивейшими», сослать на 100 верст от Вологды на север.

Почти 6 месяцев шел обоз до Вологды, затем еще почти неделю по Архангельскому тракту на север, на отметку 100 верст. Уже начинались морозы, выпал первый снег. На месте, где должен был жить обоз полковника Алферова, шумела вековая тайга. В обозе было много больных и женщин, поэтому было принято решение вернуться назад в небольшую деревеньку и направить делегацию вологодскому наместнику с просьбой разрешить остаться в ней. Наместник царя не решился взять на себя ответственность, и делегация поехала в Петербург к царю. Вердикт царя по легенде был следующий «Женщин можно оставить в деревне, остальные должны идти и рубить тайгу».

И сегодня на старой Архангельской дороге на расстоянии 100 верст от Вологды стоит деревенька Алферовская, получившая название по имени опального полковника. А деревня, в которой остались женщины, называется Бабино. Именно в этой деревне в писцовых книгах Кадниковского уезда позже появилась фамилия Лукичевых. Эти деревни вместе с жителями

при Екатерине I попали в собственность Дмитрия Голицина, знаменитого политического деятеля времен Петра.

Этот мой первый исследовательский опыт и сподвигнул меня заняться историей фамилии и родословной моей семьи. И я сейчас знаю фамилии и годы жизни моих 149 дальних родственников крестьян с XVII века.

Общее количество крепостных людей в России по народоисчислению, произведенному в 1858 и 1859 годах, насчитывалось до 23 млн. душ обоего пола. На Европейском Севере крепостничество было не так распространено, как, например, на юге России. В Вологодской губернии из общего числа крестьян крепостных было меньше 23%. По линии матери крестьяне имели статус государственных или казенных. А по линии отца и истории деревни Бабино я пришел к выводу, что мои дальние родственники, получившие в конце XIX века фамилию Лукичевы, были крепостные Николая Голицина владельца Архангельского дворца.

Существует еще одна семейная легенда, что кто-то из дальних родственников был краснотеревником и зачастую ездил в Москву во дворец на работу. Кстати, для Архангельского мистическим числом является число 107. Голицыны правили усадьбой с 1703 по 1810 год, следующие владельцы Юсуповы – с 1810 по 1917, то есть каждая семья – по 107 лет. Судьба меня косвенно сталкивала с памятью о людях, которые когда-то, несомненно, оказывали сильнейшее влияние на мой род.

Будучи на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа близ Парижа в начале двухтысячных, посмотрел на могилы Юсуповых, Голицыных, и в память пришли откуда-то издалека строки:

*Малая церковка. Свечи оплывшие.
Камень дождями изрыт добела.
Здесь похоронены бывшие, бывшие.
Кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.*

Так написал в далеком 1970 году, тогда еще молодой поэт Роберт Рождественский, о самом русском кладбище за рубежом, где захоронено около 10 тысяч человек.

Но вот на каком кладбище похоронен мой дед, внук крепостного князя Голицина, репрессированный в 1932 году, я долго не знал, как не знал и мой отец.

3 сентября 1922 года, 100 лет назад в деревне Бабино Харовского района Северного края (сейчас это Сямженский район Вологодской области), родился мой отец Николай Васильевич Лукичев. А 10 лет спустя, в 1932 году, 90 лет назад, его отец, мой дед Василий Иванович Лукичев, приговоренный за организацию контрреволюционного восстания к заключению в Севкрай, умер в Вологодской пересыльной тюрьме. Тюрьма эта размещалась в Спасо-Прилуцком монастыре на окраине Вологды. Его жена, моя бабушка, Анна Андриановна Лукичева, была у него на могиле. Она-то первая и рассказала мне о деде.

Уже много позднее я узнал, что дед не просто попал в тюрьму, а был осужден по печально знаменитой 58-й статье. Отец вообще ни разу не говорил со мной на эту тему до 1987 года, когда ему пришло письмо из прокуратуры Вологодской области, что его отец был незаконно осужден и сейчас реабилитирован. В мой очередной приезд домой подал мне это письмо со словами «Ну, вот теперь и умирать можно спокойно...».

Фамилии у крестьян до конца XIX века встречались редко. Основой фамилии Лукичев, возможно, послужило церковное имя Лука. Фамилия Лукичев, скорее всего, восходит к крестильному мужскому имени Лука. Оно в переводе с латинского языка означает «светлый». По преданию, он написал первую икону Пресвятой Богородицы, за что и почитался первым иконописцем. Его авторству приписывалось большое число икон Богородицы, в том числе и Владимирская «Богоматерь».

Существует еще одна версия происхождения фамилии Лукичев – от прозвища Лука, которое может восходить к нарицательному «лука» (с ударением на первом слоге). В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля слово «лука» имеет значение «изгиб, погиб, кривизна, излучина – заворот реки, дуга». Соответственно, фамилию Лукичев мог получить человек, живший у изгиба реки. Лука со временем получил фамилию Лукичев.

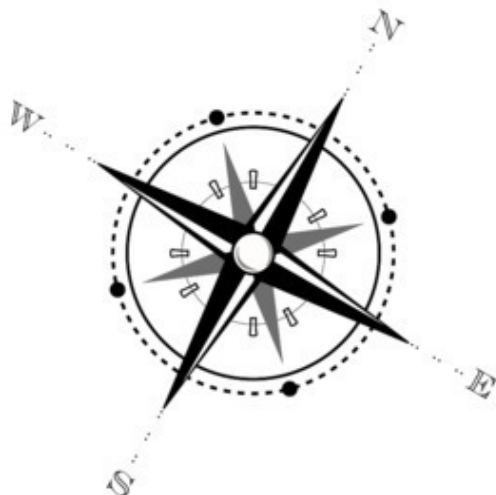
После отмены крепостного права в 1861 году положение начало меняться, а к моменту всеобщей паспортизации в 1930-х фамилию имел каждый житель СССР. Образовывались они по уже проверенным моделям к именам, прозвищам, местам обитания, профессиям добавлялись суффиксы -ов-, -ев-, -ин-.

Что касается профессий, то мне моя старшая сестра Валя рассказала забавный случай, произошедший с моей второй сестрой Зиной. Мой отец, Лукичев Николай Васильевич, трудился в конце 50-х годов зоотехником на севере Вологодской области в колхозе «Герой труда». Соответственно, его дети в деревне Тюриковская, где мы жили, назывались зоотехниковыми. Очевидно, это так прочно вошло в деревенский обиход, что Зина считала своей фамилией. Выяснилось это в первом классе, когда она не отреагировала на фамилию Лукичева, и на вполне резонный вопрос учительницы, почему она не откликается, заявила, что ее фамилия – Зоотехникова.

Сам я родился в деревне Тюриковская. Вот как ее описывал в конце XIX века исследователь русского севера Шустиков:

«Прибыл я сюда в самый праздник – 8 сентября, сходил в церковь, а после обедни ходил в Тюриковскую деревню (в 3-х верстах от Турова), где купил солонищу для музея и нашел сказочника, который и рассказал мне свои сказки. Вечером купил у церковного старосты 3 старых сборника. Народ живет „на приволье“, в хлебе не нуждается. Кругом леса непроходимые, ягод и грибов не могут убрать, до того родится их много. Население исстари землеробы, и земледелие – основа их благосостояния. Постройки здесь все хозяйственные, сделаны из хорошего леса на старинный манер с наличниками на окнах, крытые всегда тесом. Деньги почти ни во что не считают и не хотят ничего на них продать. „На что они нам“, – говорят, ведь все равно купить на них нечего. Скота всякого держат по многу, а потому масло и шерсть свои, а из шерсти делают одежду и обувь для зимы. Вообще-то, народ не забитый, не низкоклонник, как в других местах уезда. Держит себя, как равный с равным, ибо крепостного права не знал. Помещичья усадьба была здесь только одна, это Люблино, светлейшего князя Суворова, да и в ней, кроме управляющего, никто не жил. Здесь поезжай хоть влево, хоть вправо, хоть прямо – все один лес встретишь, да разве еще на мишку косолапого наткнешься, больше ничего».

В общем, назвал мою родную деревеньку Тюриковскую Шустиков медвежьим углом. Вот оттуда в далеком 1960 году прошлого века я и начал свой жизненный путь.

ОКАТОВА Александра

Поющий мост над бездной

Список причин, по которым Даша злилась на подругу, был коротким.

Первое: Лёля всё время приbedняется. Потом она забывает об этом и говорит например, что носит только tj collection, но тут же спохватывается и на ходу добавляет, что копила на ботинки полгода. Даша посмотрела в инете – дорогая обувь, Дашина дешевле и проще.

Второе: искренним является только её желание получить у жизни то, что (по её мнению) ей незаслуженно не додали.

Даша и Лёля вместе взяли стенд на художественной выставке, потому что брать Лёле самый отдельный получалось гораздо дороже, а вместе Дашей – дешевле. Когда Лёля сладким голосом спросила Дашу, «а как мы будем там есть, ведь в буфете всё слишком дорого?», та сразу почувствовала неладное. Так и оказалось. Даже на перекусе Лёля умудрялась объегорить Дашу. Совсем по поговорке: «сначала мы вместе едим твоё, а потом каждый своё», но даже это не раздражало Дашу, а вызывало жалость и даже доставляло своеобразное брезгливое удовольствие. Даша видела её насквозь. С полуслова разгадывала Лёлины жалкие хитрости, уловки и попытки использовать Дашу по любому поводу.

Третье: когда Лёле что-то нужно, она называет Дашу «котик». Той смешно и противно – ну какой из неё котик? Когда Лёля сладким голосом говорит «котик», Даша чувствует, что её готовят к использованию, как раньше мяли газетку перед тем, как подтереться: «дай это, принеси то» – а Даша как дура тащит в зубах, ну, фонарик, например, потому что когда Лёля подсвечивает свои ёлочные игрушки своим телефоном, аккумулятор, видите ли, быстро садится. Но принесённый Дашей фонарик так и не пригодился, потому что не давал нужного эффекта – блёстки на игрушках недостаточно ярко сияли, и Лёля по-прежнему бегала перед каждым посетителем со своим телефоном, показывая, как красиво переливаются микроскопические алмазные блёстки...

– Это место в моём северном, очень северном городе, называлось «Бездна», – Лёля, задумавшись, говорит, будто для себя, – чтобы попасть в больницу, где я работала, надо было перейти глубокий овраг... потом, слава богу, мост построили. Я каждый день ходила по нему туда и обратно. И каждый день он пел. Так и назывался: «поющий».

– Наверное, это было чудесно, – сказала Даша, представив себе небо, зелень, облака, солнце и раскачивающийся в воздухе лёгкий подвесной мост, который пел на разные голоса в зависимости от силы и направления ветра.

– Однажды я поняла, что больше не хочу слушать его песни... – задумчиво и тяжело, будто каждое слово давалось ей с трудом, сказала Лёля.

Мимо них ходили праздные посетители выставки. Парочка остановилась у ёлки. Лёля тут же вскочила и заключила в мягкие, но «железные» объятия потенциальных покупателей. Поднесла фонарик телефона к ёлке, где ватные, искусно сделанные игрушки – смешные пузатые медвежата в спортивных костюмах и шапочках, грациозно вставшие на носочки длинноухие зайки-балерины в полупрозрачных пышных пачках, рачки и креветки, смешные пингины – весело заиграли микроскопическими звёздочками.

– Посмотрите, вот как нарядно будут выглядеть мои эксклюзивные игрушки на вашей новогодней ёлке!

Через десять минут интенсивной обработки покупательница со своим спутником уходит довольная, прижав к груди нарядную коробку с двумя белоснежными зайцами: мальчиком и девочкой. В коробке загадочно постукивают крупные золочёные орехи, подарок от Лёли.

– Вот ещё деньги в счёт погашения долга по коммуналке за квартиру, в которой я давно не живу, в том самом северном городе, где находится поющий тоскливые песни мост, – с горьким удовлетворением говорит Лёля, пряча подальше кошелек.

Даша кивает и улыбается, она хоть и обижена на Лёлю, но рада, что подруге удалось заработать. Положение у той действительно тяжёлое: муж давно уехал в Германию, отношения сошли на нет. Есть взрослая дочь, денег не хватает – Даше даже страшно представить, что бы она делала, окажись она на месте Лёли. Своей квартиры в Москве у подруги нет, есть служебная, которую получал муж, тоже доктор. Лёля живёт в ней на птичьих правах, готовая в любой момент остаться без жилья.

– Подходите, смотрите! Игрушки созданы в единственном экземпляре по старинной технологии, которой уже двести лет, – рассказывает Лёля. Народ подходит, улыбается, удивляется Лёлиному искусству создавать из такого простого материала настоящее чудо.

– Из чего она сделаны? – придиричливо спрашивает дотошная посетительница выставки.

– Из ваты, – улыбается Лёля, она привыкла к таким вопросам.

– Тогда почему так дорого? – с благородным негодованием вопрошает посетительница. – Она же дешёвая?!

– Идите в аптеку, купите вату и украсьте вашу ёлку, – дерзко говорит Лёля, не стесняясь.

Посетительница с недовольным лицом удаляется. Но у большинства людей Лёлин ответ «из ваты» вызывает как раз тёплые добрые улыбки, восхищение и ностальгию по тем забытым сейчас игрушкам, которые украшали ёлки времён СССР.

Даша тоже не сидит сложа руки, – она показывает своих волшебных кукол из фарфора: грустную красавицу в платье из антикварных кружев под названием «Энциклопедия пределов. Время», играющих в шахматы Белого короля и Чёрную королеву, безнадежно влюблённых друг в друга, таинственную куклу – владелицу ключа от башни желаний и куклу-итальянку в огромном бархатном берете, на которую как на прелестную приманку, запечатлённый на одной картине арбалетчик, целится в изображённого на второй картине печального белого единорога.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.